

В.В.Журавлев,
доктор исторических наук.
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем

Об истоках и результатах конфликтности российского исторического процесса XX столетия

Уже шестой раз собираются участники международного симпозиума, чтобы ответить на вопрос: "Куда идет Россия?.." Специалисты-аналитики размышляют, прогнозируют, предполагают. А подспудная логика исторического процесса располагает. И это скорее хорошо, чем плохо. Можно только предположить, что было бы, если бы последующие истолкователи исторического процесса оказывались мудрее самой истории. Поучительно было видеть, как от симпозиума к симпозиуму (а мне пришлось участвовать в работе трех из них) испарялась эйфория мгновенного демократического обновления страны. На смену приходили серьезные, трезвые размышления, анализ трудностей и неудач современного этапа развития, механизмов "торможения" (если использовать лексикон начального этапа "перестройки"). А значит — повышалась необходимость к объяснению того, что происходит с нами сегодня, подключать фактор исторического опыта.

На мой взгляд, эту потребность точно уловили организаторы настоящего симпозиума, во-первых, нацелив нас на три уровня анализа (век, десятилетие, год), и, во-вторых, предусмотрев работу специальной исторической секции. Очевидно, что нельзя без осмысления истоков понять происходящее с нами сегодня. Это банальность. Но даже в науке любая очевидность может быть прочувствована заново, если необходимость этого вызывается самой логикой исследовательского процесса.

Суровые природно-климатические условия и на этой основе тупиковый характер общественного (в первую очередь аграрного) производства диктовали и упрощенность функций самоорганизации общества, из которых резче всего проявляла себя, наряду с военной и религиозной, карательно-охранительная функция. Жесткость государства, "верхов" в целом по отношению к производителю порождала ответную конфронтационность "низов" в своих взаимоотношениях с "верхами". Реакцией на формирование общины как оплота крестьянского сопротивления стало развитие особо деспотических, самодержавных форм отечественной государственности, традиции которых — варьируясь от века к веку — довлеют над нами практически по сей день.

Российский исторический процесс XX столетия, таким образом, органично воспринял традиции конфронтационной политической культуры из глубин веков, усовершенствовав их в соответствии с реалиями и потребностями того или иного этапа отечественной модернизации. Ведущей же для исторических судеб страны в истекающем веке стала дилемма, вылившаяся в столкновение *двух типов модернизации*. Стремление одних общественных сил идти в будущее в рамках раболопно воспринимаемого западного опыта, во многом специфического, неадекватного условиям нашей страны, наталкивалось на амбиционную убежденность других в необходимости вырваться из тисков этой уже проложенной колеи, с тем чтобы наверстать упущенное, двигаясь по целине, в неосвоенных мировым опытом цивилизационных и модернизационных пространствах (коммунистический социальный эксперимент). Оба указанных типа модернизации проистекали из того исторически обусловленного факта, что начало века Россия встретила во втором эшелоне мировой цивилизации — в числе стран, обреченных на догоняющий тип развития. Неудивительно поэтому, что и та, и другая альтернатива, являясь "пожарной" по своей сути, носила конфликтогенный характер, а борьба между ними (спор славянофилов и западников лишь частично, верхушечно отражает реалии этой борьбы) вела к обострению этой конфликтности.

Первый тип модернизации, характерный для развития России начала века и бездарно, искусственно реанимируемый сегодня, давал и дает исторически просматриваемую перспективу превращения страны в придаток (прежде всего сырьевой) группы лидирующих западных стран. Он уязвим и повышено конфликтен в силу своей неадекватности российской специфике, неспособности раскрыть реальные возможности страны, веками укоренившуюся в массовом сознании тягу к социальной справедливости. Крах второго типа модернизации в значительной (если не в решающей) степени проистекал из прямо противоположного факта неадекватности основных параметров коммунистического социального эксперимента ведущим тенденциям общемирового цивилизационного процесса. Борьба и смена (причем двойная в течение века) модернизационных альтернатив, внедряемых в обоих случаях давлением "сверху", раскачав маятник исторической перспективы в широком диапазоне от полуколонии к автаркии и назад, привела в итоге нашу страну к полному истощению ее производительных сил, потере мировоззренческих, духовных, нравственных ориентиров, к перманентной социальной напряженности и политическому ожесточению.

Взгляды и настроения иного плана — никого не догонять и не перегонять, а идти по пути обретения и эффективного использования потенциала собственной идентичности (что отнюдь не снимало с по-

вестки дня проблему органичных заимствований элементов зарубежного опыта) — всегда отступали перед стремлением вползти в "мировую цивилизацию" с тыла (огульно приладившись, присоседившись к более удачливым странам), или же прорваться обходной кавалеристской атакой, став во главе "мирового революционного процесса". В такой обстановке органичные реформы подменялись футурологическими прожектами, ради осуществления которых очередные "пророки" и "спасители Отечества" требовали от народа все новых и новых жертв. Характерно в связи с этим, что борьба двух указанных ведущих альтернатив осуществлялась не под флагом изыскания оптимальных путей социального прогресса общества в целом, а в рамках "освободительного движения". Мы так привыкли к этому термину отечественной историографии, что на какое-то время перестали ощущать его, мягко говоря, необычность, вызывающую законный вопрос: Можно ли называть модернизацией, эффективным способом реализации идеи социального прогресса то, что наталкивает одну часть социума на "освобождение" от его другой части? Что же означало это "освобождение" на практике — достаточно наглядно свидетельствуют многие события последнего и самого конфронтационного из всех веков отечественной истории — с 1905 по 1993 г. включительно.

Один из парадоксов российской модели модернизации состоял и состоит в том, что медленность и неэффективность попыток ее реализации всегда базировалась на запальчивом стремлении очередных преобразователей подтолкнуть неторопливую колесницу органичного процесса, ускорить ход истории форсированными темпами "вырваться из рамок отсталости", "догнать и перегнать" другие страны. Частичный эффект от использования подобных методов, как правило, достигался. Но такого рода конкретные достижения не только не улучшали общую ситуацию, но чаще всего обостряли ее. Так, несомненные успехи советской системы образования и прорывы в отдельных направлениях науки и техники (о чем говорилось в докладе В.П.Данилова) не только не стали основой для упрочения социально-политической системы в целом, но послужили одним из важных факторов ее стагнации, кризиса, а затем и краха. Рамки строя стали (скорее в субъективном, чем объективном плане) тесны для послевоенных поколений советских людей, сумевших через сферу образования и культуры приблизиться к ценностям, несовместимым с устоями "социалистического образа жизни". Точно так же, благие намерения современных реформаторов раскрепостить личность, дать простор ее инициативе и предприимчивости обернулись криминализацией страны, разгулом низменных страстей, коллапсом государственности.

Все это ставит в повестку дня вопрос о том, насколько адекватны объективным потребностям России догоняющий тип развития

как таковой или, по крайней мере, то его истолкование, которое по сей день остается у нас господствующим, служащим импульсом к социальному действию. Ведь догнать другие народы — совсем не значит стать такими же, как они. С этих позиций по ряду параметров отечественной духовности и ментальности такая задача перед страной не стояла и не стоит.

Резонно полагать, что Россия пока еще не нашла, не успела своим социальным опытом — в условиях перманентного давления государства на общество, навязывания ему своей воли — наработать предназначенный именно для нее механизм эффективной модернизации. Типа того, что позволил, например, японцам, обогнав остальной мир по ряду направлений научно-технического прогресса, оставаться самими собой. Примерно то же самое можно сказать и о других странах, в начале века находившихся в одном с нашей страной — втором эшелоне общественного развития: Испании, Финляндии (как части Российской империи), Италии и т.д. Нарботка этого механизма — методом проб и ошибок (другого у нас пока не имеется) — самое важное из целей и задач, объективно стоящих перед Россией.

Несколько слов скажем об интеллигенции как одной из социальных сил отечественной модернизации. В условиях обоюдной маргинальности "низов" и "верхов" (т.е. органической неспособности как тех, так и других мыслить и действовать в русле общенациональных интересов), а также отсутствия среднего класса как основы стабильности общества роль действительной социальной прослойки между государством и обществом, "верхами" и "низами" объективно выпала на долю отечественной интеллигенции. Она и формировалась в России как выразительница настроений, потребностей "униженных и оскорбленных", как защитница их интересов перед сильными мира сего. Однако реализовать свое объективное предназначение определенного компенсатора отсутствию структурированного среднего класса, конструктивной стабилизирующей силы общества, его "ума, чести и совести", интеллигенции в целом — на крутых подъемах и спусках истории XX в. — не удалось. На разных этапах новейшей истории страны те или иные влиятельные слои интеллигенции считали за благо брать на себя функции идеологической подготовки, а также инициирования (если не сказать провоцирования) крупных социальных ломов и потрясений. И каждый раз интеллигенцию в итоге ожидала участь отнюдь не триумфатора, а жертвы инициированного ею очередного социального шока. Социальное самоедство интеллигенции составляет приметку отечественной истории и служит одним из важных обстоятельств перманентно проявляющейся разобщенности российского социума.

Рассмотрение проблематики симпозиума в масштабе столетия заставляет обращаться к инструментарию историософии, т.е. раз-

мышлять на стыке истории и философии. Когда представители этих двух древнейших научных дисциплин садятся за один стол, как это имеет место на нашей секции "XX век в истории России", то это способно придать дискуссии новый импульс и неожиданные повороты. Такого рода дискуссионное общение убеждает и в другом: историософия, идущая от историка и от философа, — это все же два разных подхода, которые подчас трудно привести к знаменателю сопоставимости. Причин тому немало, в том числе гносеологического порядка. Историк вынужден (и обязан) иметь в виду и оперировать в процессе дискурса "тьмой низких истин", которые философу могут показаться незначительными и даже излишними, но которые не позволяют подчас историку присоединиться к изящным концепционным построениям философа.

С большим интересом в связи с этим воспринимаются представления выступившего в ходе дискуссии на сессии профессора В.М.Межуева, попытавшегося сформулировать свое понимание исторического пути Отечества под углом зрения видоизмененного им вопроса: "Куда ведут Россию?.." Большинство его наблюдений и выводов историк не может проигнорировать: о несовместимости в рамках исторических реалий нашей страны либерализма и демократии, свободы и богатства. Конкретно-исторической проработки требует и развитый В.М.Межуевым — в русле прогноза философа-эмигранта Г.П.Федотова взгляд о том, что "могильщиком коммунизма" в нашей стране стал местнический, инородческий национализм. Главный вывод из всего этого сформулирован в виде дилеммы: Россию в будущем ожидает либо уход в историческое небытие, либо частичная реставрация под эгидой конвергенции. Что касается "частичной реставрации", то вероятность ее и мне представляется достаточно высокой. Но то, что она может произойти под флагом конвергенции, вызывает серьезные сомнения. В.М.Межуев призывает нас (вместе с Россией) в данном случае вскочить на подножку уже ушедшего поезда.

Мне уже приходилось говорить и писать о том, что одной из главных мифологем, которые сегодня особенно настойчиво внедряются в массовое сознание, является утверждение о вхождении нашей страны в "мировую цивилизацию" как главным векторе современного общественного развития. При этом под мировой подразумевается западная цивилизация в лице ее наиболее привлекательных (в плане прежде всего ценностей потребительского общества) образцов. Широко распропагандированное еще М.С.Горбачевым положение это в пору "перестройки" как раз и проистекало из умеренно-реформаторских представлений и популярной тогда у нас (труды А.Д.Сахарова) и на Западе концепции конвергенции, т.е. добровольного, мирного, эволюционного взаимосближения двух об-

щественно-политических систем — капитализма и социализма — с сохранением преимуществ каждой из них, с пониманием и уважением исторических и национальных традиций каждого из вступающих на этот путь народов. Поставгустовская (1991 г.) действительность вызвала подмену идеи "вхождения в мировую цивилизацию" постулатом "вхождения в рынок". Наперекор естественному циклу смены состояний из радужной бабочки идеи вхождения в мировую цивилизацию образовалась прожорливая гусеница первоначального накопления капитала со всеми присущими ему уродливыми проявлениями.

Тем не менее эфемерная бабочка эта по сей день витает в умах наших современников. Сама по себе идея конвергенции умозрительно может представляться спасительной для поколений россиян, оказавшихся между жерновами двух эпох и общественно-политических систем: к носу Ивана Ивановича да приложить бы уши Ивана Петровича — какой впечатляющий портрет получится! Но если на момент медового месяца "перестройки" идею конвергенции еще можно было с определенными оговорками включить в ранг теоретически возможных альтернатив общественного развития, то сегодня нам уже нечего сближать как со стороны социализма, так и со стороны капитализма. Отсутствуют и социально-психологические предпосылки для осуществления столь трудоемкой, спокойной, конструктивной работы с ориентированием ее на осуществление принципов социальной справедливости. Поезд ушел. Да и был ли мальчик? Может мальчика-то и не было?

Что же мы в результате имеем на день сегодняшний? Советский общественно-политический строй — самый масштабный эксперимент в плане поиска новых основ социальной жизнедеятельности — сгорел в огне собственных противоречий и мощного внешнего воздействия, что, правда, совсем не означает категорическую не востребованность накопленного им социального опыта в будущем. Попытки утвердить в стране либеральную модель социального устройства прозападного типа терпят сокрушительный крах. Как бы вопреки законам эволюции страна последовательно и уверенно катится в свое прошлое, во вчерашний и позавчерашний день мировой цивилизации. Когда этот социальный откат исчерпает заложенную в нем антиэнергию, обществу предстоит во многом заново обратиться к мучительному поиску своей идентичности, *своего* пути в будущее.

А это значит, что в третье тысячелетие Россия вступит, не решив ни одной из крупных, "судьбоносных" проблем и вызовов XX в., не избавившись от хронического синдрома конфликтности, разъедаемая губительным комплексом неполноценности, в тисках "баррикадного сознания" — симптома грядущих бурь.